

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-139
EDN: KNZMFI

Иммануил Кант и развитие психологии

Владимир Александрович Мазилев

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Аннотация. Статья приурочена к юбилею Иммануила Канта и посвящена обсуждению его влияния на становление психологии. 22 апреля 2024 года исполнилось 300 лет со дня рождения великого философа, но идеи, высказанные мыслителем, сохраняют свою актуальность для психологической науки. В статье обсуждаются вопросы, имеющие дискуссионный характер, поскольку в научной литературе представлены разные точки зрения на характер и степень влияния философии Канта на психологию. В статье утверждается, что влияние Канта на развитие психологии было сильным и многообразным. Указаны основные причины, приведшие к недооценке кантовского влияния. В силу особенностей личности самого Канта и специфики задач, решаемых философом, основной вектор влияния кантовских идей был связан с критическими замечаниями в адрес психологии второй половины XVIII века. Главным стоит признать методологическое влияние на развитие психологии. Кант психологом не был, но положения, содержащиеся в его работах и состоящие в анализе возможностей психологии как эмпирической дисциплины, в значительной степени определили процесс формирования научной психологии. Показано, что физиологическая психология В. Вундта является прямым ответом на кантовскую критику современной ему психологии. Влияние было и разновременным, поскольку некоторые кантовские идеи были оценены и реализованы в психологии лишь спустя достаточно продолжительное время. В статье намечены и проанализированы основные положения кантовской системы, оказавшие влияние на психологическую науку. Канту принадлежит конкретная разработка идей, реализуемых в настоящее время в психологии. Отмечены перспективные направления реализации кантовских идей в психологии. Влияние идей Канта на развитие мировой психологии по-прежнему требует исследований и нуждается в дополнительном осмыслении. История психологии в долгу перед Иммануилом Кантом, требуется более полное, глубокое и доказательное освещение этого крайне важного для истории психологии вопроса.

Ключевые слова: Кант; эмпирическая психология; рациональная психология; методология психологии; научная психология; природа; культура; поступок

Для цитирования: Мазилев В. А. Иммануил Кант и развитие психологии // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). С. 139–150. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-139>. <https://elibrary.ru/KNZMFI>

Original article

Immanuel Kant and development of psychology

Vladimir A. Mazilov

Doctor of psychological sciences, professor, head of department of general and social psychology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of Immanuel Kant and is devoted to discussing his influence on formation of psychology. April 22, 2024 marked the 300-th anniversary of the birth of the great philosopher, but the ideas expressed by the thinker remain relevant to psychological science. The article discusses issues of debatable nature, since the scientific literature presents different points of view on the nature and degree of influence of Kant's philosophy on psychology. The article argues that Kant's influence on the development of psychology was strong and diverse. The main reasons that led to the underestimation of Kant's influence are indicated. Due to the peculiarities of Kant's personality and the specifics of the tasks solved by the philosopher, the main vector of influence of Kant's ideas was

associated with critical remarks about the psychology of the second half of the XVIII century. The main thing is to recognize the methodological influence on the development of psychology. Kant was not a psychologist, but the provisions contained in his works and consisting in the analysis of the possibilities of psychology as an empirical discipline largely determined the process of formation of scientific psychology. It is shown that the physiological psychology of V. Wundt is a direct response to the Kant criticism of his modern psychology. The influence was also different in different times, since some Kant ideas were evaluated and implemented in psychology only after sufficiently long time. The article outlines and analyzes the main provisions of the Kant system that influenced psychological science. Kant owns specific development of ideas currently being implemented in psychology. Promising directions for implementing Kant ideas in psychology are noted. The influence of Kant's ideas on development of world psychology still requires research and needs additional understanding. The history of psychology is indebted to Immanuel Kant, more complete, in-depth and evidence-based coverage of this issue, which is extremely important for the history of psychology, is required.

Key words: Kant; empirical psychology; rational psychology; psychology methodology; scientific psychology; nature; culture; act

For citation: Mazilov V. A. Immanuel Kant and development of psychology. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (3): 139-150. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-139>. <https://elibrary.ru/KNZMFI>

К несчастью, Кант не посвятил научной психологии отдельного труда, но дал значительные указания к обоснованию этой науки на новых началах, производя при случае изменения в традиционном психологическом материале и вообще благодаря всему своему вмешательству.

Макс Дессуар

Введение

Психология, как хорошо известно, в течение длительного времени развивалась в основном в рамках философии, номинальное выделение ее в самостоятельную науку произошло во второй половине XIX столетия. В соответствии с этим, если принять знаменитый тезис Германа Эббингауза, исторический путь психологии разделился на «длинное прошлое» и «краткую историю». В «длинном прошлом» оказались труды великих философов, которые не могли не размышлять о душе, сознании, методах их изучения и других вопросах, относящихся к ведению психологии. Таким образом, выдающиеся философы оказались в числе предшественников научной психологии.

Среди философов, повлиявших на научную психологию, ее формирование и последующее развитие, оказался и Иммануил Кант. С самого начала заметим, что не подлежит никакому сомнению – Иммануил Кант психологом не был, к современным ему психологическим концепциям относился весьма скептически. Неудивительно, что и влияние Канта на психологию различными авторами оценивается различно. Ничего необычного в этом нет, к тому же стоит помнить, что относительно Канта-философа продолжают нескончаемые дискуссии, поскольку представители разных философских направлений в зна-

чительной степени по-разному оценивают значение кантовских идей.

В 2024 году отмечается 300-летний юбилей со дня рождения выдающегося философа. Иммануил Кант родился 22 апреля 1724 года. Настоящая статья не только дань памяти великому философу, но и попытка разобраться в непрстом вопросе о влиянии кантовских идей на психологическую науку, поскольку в научной литературе высказываются весьма различные точки зрения по этому вопросу. Прежде всего стоит отметить, что влияние может быть существенно разным: в работах того или иного мыслителя, к примеру, может предлагаться тезис, который в дальнейшем получает развитие, на основании чего делают заключение, что идеи ученого получили развитие в науке. Возможен и иной вариант, когда влияние происходит как результат осуществленной критики – указания на существенные недостатки. В этом случае деятельность ученых более позднего времени по «устранению» указанных недостатков также должна, очевидно, трактоваться как влияние. Как мы увидим далее, в случае Канта можно наблюдать примеры и того, и другого влияния.

Во избежание возможных недоразумений напомним, что в настоящей статье речь пойдет только о тех вопросах, которые имеют значение для истории психологии.

Коротко остановимся на вопросе о том, как современная история психологии рассматривает вклад Канта в развитие психологической науки.

Начнем с авторитетного суждения Дэниела Робинсона: «Влияние Канта на психологию было намного больше, чем обычно считается. В историческом резюме было бы банально признавать репутацию Канта как философа, указывать на нативистский акцент его философии и предполагать его влияние на более поздних психологов. Некоторые даже решили, что Кант и в самом деле был творцом своего рода антропологии и предвосхитил последующих приверженцев теории инстинктов. Он решительно не был таковым. На самом деле, и это делает ему честь, среди психологов, на которых он оказал влияние, было столь же много неправильно понимавших его, сколько тех, кто следовал его рассуждениям» [Робинсон, 2005, с. 325–326]. Заметим, что автор является большим знатоком истории психологии – достаточно упомянуть вышедшее в печати под редакцией Д. Н. Робинсона 28-томное издание *Significant Contributions to the History of Psychology* (University Publications of America, Washington D.C., 1978). Предисловие к этим томам, занимающее более 500 страниц, напечатано отдельно под названием *The Mind Unfolded: Essays on Psychology's Historic Texts* (University Publications of America, Washington D. C, 1978) [Робинсон, 2005, с. 7].

Согласимся с Робинсоном, что «влияние Канта на психологию было намного больше, чем обычно считается». Если обратиться к популярному, выдержавшему множество изданий учебнику американских авторов Д. и С. Шульц, можно обнаружить, что в главе «Влияние философии на психологию» авторы указывают на Декарта, Локка, Беркли, Юма и др., существенно повлиявших на психологию, но Кант в число этих философов не входит [Шульц, 1998]. В глубокой книге М. С. Роговина, знатока истории психологии, находим суждение, выражающее мысль, что система Канта «глубоко антипсихологична» [Роговин, 1969].

Заметим, что в вышеприведенном фрагменте труда Д. Робинсона есть еще один заслуживающий внимания момент: американский историк психологии совершенно справедливо утверждает, что «среди психологов, на которых он оказал влияние, было столь же много неправильно понимавших его».

Одну из возможных причин недооценки роли Канта психологами объяснил немецкий историк психологии Макс Дессуар, высказывание которо-

го использовалось в качестве эпиграфа к данной статье. Дессуар отмечает, что благодаря трудам Христиана Вольфа, психология на какое-то время стала «центральной философской дисциплиной» [Дессуар, 1912, с. 115]. «Против такого чрезмерного расширения границ психологии скоро должны были раздаться протесты. Появившиеся возражения коснулись также содержания всей системы и приняли форму критики психологии. Тот мыслитель, который и здесь явился вождем, Иммануил Кант, ввел психологию даже в очень узкие границы...» [Дессуар, 1912, с. 115]. «Этим объясняется отчасти, почему фигура Канта не представляется историку психологии такой значительной и возвышающейся над всеми другими как историку каждой другой философской дисциплины» [Дессуар, 1912, с. 115].

Как представляется, сам Кант дал однозначный ответ о смысле своей философской системы: «Давно задуманный план относительно того, как нужно обработать поле чистой философии, состоял в решении трех задач: 1) Что я могу знать? (метафизика); 2) Что я должен делать? (мораль); 3) На что я смею надеяться? (религия); наконец, за этим должна была последовать четвертая задача – что такое человек? (антропология, лекции по которой я читаю в течение более чем двадцати лет)» [Кант, 1980, с. 589]. И – стоит добавить – очень значимое кантовское замечание, сделанное в другом месте: «В сущности все это можно было свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [Кант, 1980, с. 332]. Понятно, что поиски ответа на вопрос «что такое человек?» великим философом просто не могли не оказать влияния на психологию... Как отмечал А. Бадью в интервью, посвященном психологии М. Фуко, «несомненная заслуга Канта в том, что он способствовал движению «философии без человека к философии с человеком, эмпирической психологии» [Залевский, 2019, с. 62].

Обратимся непосредственно к Канту и его взглядам на психологию.

Результаты исследования

Кант и его влияние на психологию

Правильно оценить степень кантовского влияния на психологию можно только в том случае, если иметь в виду исторический контекст. В данном случае необходимо учитывать ситуацию в психологии, какой она была в конце XVIII столетия.

В первой трети XVIII века возникает *философская психология* в собственном смысле этого слова. Создателем философской психологии в узком смысле, как можно полагать, был Христиан Вольф (1679–1754) [Мазиллов, 2023; 2017]. *Философская психология в узком смысле* этого слова имеет место тогда, когда наличествуют три признака: 1) характеристика предмета, отличающего психологию; 2) использование термина «психология», что позволяет дифференцировать предмет философии и психологии; 3) представление психологического знания в виде системы. У Вольфа психологий было две: эмпирическая и рациональная [Wolff, 1734; 1738]. Таким образом, по Вольфу, психология распадается на рациональную и эмпирическую, различие между которыми было методологическим, поскольку они обе изучали одну и ту же душу, но в разных отношениях. Эмпирическая психология – опытная наука, дающая представление о том, что происходит в человеческой душе. Она не предполагает рациональной психологии, а служит для проверки и подтверждения того, что априорно развивает психология рациональная.

Согласно Вольфу, в эмпирической психологии выделяются две основные способности – способность познания и способность воли, каждая из которых состоит из более специальных способностей [Мазиллов, 1998]. Может показаться, что у Вольфа отсутствует способность эмоций. На самом деле она есть, но рассматривается Вольфом как подчиненная познанию. В качестве отдельной ее стал рассматривать ученик и последователь Хр. Вольфа – Иоганн Тетенс (1736–1807) [Tetens, 1777].

Тетенс модифицировал идущее от Аристотеля (через Вольфа) расчленение психического на познание и волю, добавив к последним чувство. Таким образом, оформилась номенклатура «основных» способностей: способность познания, способность воли, способность чувства. Таким образом сложилось в философской психологии представление, что основными способностями души являются познание, воля и чувство [Мазиллов, 2020].

С этими основными способностями были соотнесены Кантом его «критики»: «Критика чистого разума» [Кант, 1964] со способностью познания, «Критика практического разума» [Кант, 1965] со способностью воли, а «Критика способности суждения» [Кант, 1966] – со способностью чувства. Представляется, что преемственность

здесь – между трудами Вольфа и Тетенса и кантовскими работами очевидна.

Кант подверг критике рациональную психологию. Напомним, у Вольфа психологий было две – рациональная и эмпирическая. Такой же точки зрения придерживался и И. Н. Тетенс. Кант категорически отрицает саму возможность рациональной психологии: «Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует» [Кант, 1964, с. 382]. По Канту, рациональная психология может выполнять лишь роль ориентира: она «возможна только как дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни» [Кант, 1964, с. 382]. Кант продолжает: рациональная психология «скорее напоминает нам, чтобы мы видели в этом отказе разума дать удовлетворительный ответ на вопросы любопытствующих, касающиеся того, что выходит за пределы земной жизни, его же указание обращать свое самопознание не на бесплодную чрезмерную спекуляцию, а на плодотворное практическое применение, которое, хотя всегда и направлено только на предметы опыта, тем не менее заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше поведение так, как если бы наше назначение выходило бесконечно далеко за пределы опыта, стало быть за пределы земной жизни» [Кант, 1964, с. 382].

Кант настаивает на различии *Я как субъекта* и *Я как объекта*. По Канту, о логическом Я «ничего нельзя узнать», «психологическое Я как эмпирическое сознание, доступно разнообразному познанию» [Кант, 1966а, с. 191]. Об этом см. подробнее [Мазиллов, 1998; 2017].

Кант убежден, что эмпирическое сознание доступно познанию: «Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как

мы себе являемся; логическое же Я хотя и указывает субъект существующим сам по себе в чистом сознании, не как восприимчивость, а как чистую спонтанность, но не способно ни к какому познанию своей природы» [Кант, 1966а, с. 191–192].

Кантовский авторитет в значительной степени способствовал последующему развитию психологии именно как *эмпирической дисциплины*.

В другой работе Кант более детально анализирует перспективы и возможности эмпирической психологии, отмечая в ней недостатки, не позволяющие стать подлинной наукой. В 1786 году в работе «Метафизические начала естествознания» Кант осуществляет «критику» современной ему психологии [Кант, 1966]. В этом контексте слово «критика» употребляется нами не в кантовском, а в современном значении – как указание на существенные недостатки эмпирической психологии, какой она могла быть в конце XVIII века.

Кант отмечает, основываясь на анализе достижений современного естествознания: «эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и – как таковое в меру возможности – систематическое учение о природе внутреннего чувства, то есть описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением» [Кант, 1966, с. 60].

Итак, *наукой о душе* психология быть не может, ибо не может использовать математику и эксперимент, многообразие внутреннего наблюдения нельзя расчленить на элементы, сам метод самонаблюдения искажает состояние наблюдаемого.

К тому, как психология отреагировала на кантовскую критику, мы еще вернемся.

В последнем большом сочинении, подготовленном к печати автором, «Антропологии» (1798), содержится еще одна важнейшая для научной психологии идея. Она принципиально важна, хотя на нее почему-то совсем не обращают внимания.

В предисловии Кант пишет, что «наиболее важный предмет в мире, к которому эти знания могут быть применены, — это человек, поскольку он есть собственная последняя цель» [Кант, 1994, с. 138]. Канта, исходя из общей логики его системы, конечно же интересует возможность практического использования знания. Психологов интересует *наука* о душе. Поскольку в антропологии объединяются сведения о человеке, данные психологии включаются в антропологию. Кантовские рассуждения об антропологии в целом могут быть применены – если будет на то желание – и к психологии. Прочитаем философа: «Систематически изложенное учение, предлагающее знание о человеке (антропология), может быть построено с физиологической или с прагматической точки зрения. Физиологическое знание о человеке исследует то, что природа делает из человека, прагматическая – то, что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» [Кант, 1994, с. 138]. Кант, естественно, выбирает для своего труда прагматическое построение антропологии, ибо это отвечает его главной задаче.

Однако зададим вопрос: почему Кант отвергает физиологическое обоснование?

Он, анализируя реальные возможности физиологии (по ее состоянию на конец века – на 1798 год), отмечает: «Тот, кто размышляет о природных причинах, например, о том, на чем основана способность памяти, может, конечно (вслед за Декартом), предаваться умствованиям об остающихся в мозгу следах впечатлений, оставленных ощущениями, но при этом должен сознаться, что в этой игре своих представлений он не более, чем зритель, и вынужден предоставить все природе, ибо ему неизвестны нервы и волокна мозга и неизвестно, как пользоваться ими для осуществления своего намерения. Тем самым всякое теоретическое умствование такого рода просто пустая трата времени» [Кант, 1994, с. 138].

Подведем итог: Кант полагает, что психология может развиваться по образцу естественной науки, но она сталкивается с трудностями, которые в полной мере не преодолимы.

У нас нет возможности в рамках настоящей статьи рассмотреть, как психологи и физиологи

на протяжении семи первых десятилетий XIX столетия пытались реагировать на критические замечания Канта (об этом подробно см. [Герbart, 1895; Мазиллов, 1998; 2017]).

Скажем лишь, что Вундту первому удалось ответить на все пункты кантовской критики психологии. Физиологическая психология В. Вундта [Wundt, 1874] стала первым проектом научной психологии. Успехи в области исследования мозга позволили Вундту объявить свою психологию физиологической, так как элементарные психические явления, которые новая психология изучала, были поставлены в соответствие мозговым структурам. Таким образом была реализована кантовская идея обоснования психологии «через физиологию», поскольку изучение психических феноменов проводилось «рука об руку» с физиологическими исследованиями.

Добавим к этому, что идея закона творческого синтеза, которую Вундт использовал в своей концепции психологии, по сути, является использованием кантовской идеи об априорных синтетических суждениях.

Таким образом, первый принципиальный вывод: научная психология (напомним, именно вундтовская физиологическая психология была декларирована и, что важнее, принята психологами в качестве научной психологии) была разработана В. Вундтом по кантовскому проекту, поскольку полностью соответствовала мысли Канта о психологии как естественной эмпирической науке. Вундт, полностью ответивший на замечания Канта относительно кардинальных недостатков психологии, фактически реализовал проект, подвергнутый сокрушительной кантовской критике почти за девяносто лет до этого.

Конечно, мощное и принципиальное влияние кантовских идей на психологию этим эпизодом не исчерпывается. Установив, что Кант был у истоков позиции, согласно которой психология трактовалась как естественная наука, обратимся к другим влияниям.

Идеи Канта лежат в основе построения иного варианта психологии – психологии как науки, основывающейся на понятии культуры. Хорошо известно, что в XX столетии в психологии происходило (продолжается оно и сейчас) противоборство между разными психологическими парадигмами. Основными были и остаются естественнонаучная и герменевтическая (гуманитарная).

К сожалению, вынуждены констатировать, что в истории психологии вопросы кантовского

учения о культуре практически не рассматриваются. Поэтому даже для предварительного обозначения области, интересующей нас в свете тематики данной статьи, будем ориентироваться на исследования историков философии. Обратим внимание, что рассмотрение вопросов культуры в творческом наследии Канта является проблемой и для истории философии. В. А. Жучков отмечает, что «у кантоведов не всегда «доходят руки» до понятия культуры и оно оказывается на отдаленной периферии, где в лабиринтах исследования почти теряются нити, связующие его с «центром» и где практически неощутимыми становятся импульсы и токи революционных изменений коперниканского переворота» [Жучков, 1998, с. 29].

А. В. Гулыга замечает, характеризуя взгляды И. Канта: «Философ задал вопрос: что такое человек? Он мог бы ответить: существо, созидющее культуру при помощи удивительной способности – воображения, действующей под контролем рассудка, разума и способности суждения в пределах того материала, который поставляет созерцание» [Гулыга, 1980, с. 25].

Вопрос о роли культуры, вне сомнения, заслуживает отдельного специального обсуждения, что не входит в наши задачи. Отметим лишь то, что значение понятия культура будет предметом обсуждения много позднее – в неокантианстве, в частности в работах баденской школы – В. Виндельбанда, Г. Риккерта и др. Как отмечает Гулыга: «Наиболее обширное и благодатное поле для деятельности продуктивного воображения – сфера способности суждения. Здесь материал, «который ему дает действительная природа», воображение перерабатывает «в нечто совершенно другое, а именно в то, что превосходит природу», – в культуру» [Гулыга, 1980, с. 26].

Кант различает культуру и цивилизацию: «культурой он называет только то, что служит благу человека, – систему (используя современную терминологию) гуманистических ценностей. «Культуру умения» Кант противопоставляет «культуре воспитания». Внешний, «технический» тип культуры он называет цивилизацией. Кант видит бурное развитие цивилизации и тревожно отмечает ее отрыв от культуры. Последняя тоже идет вперед, но гораздо медленнее. Эта диспропорция является причиной многих бед человека» [Гулыга, 1980, с. 26].

По Канту, «Культура противостоит “натуре”, но есть между ними глубинная черта сходства –

органическое строение. “Вторая природа”, как и “первая”, не просто существует, она живет» [Гулыга, 1980, с. 26].

Гулыга отмечает, что в «Критике способности суждения» «речь идет о том, что средства формальной логики бессильны в познании органического целого, в обычном рассудочном мышлении особенное отличается от всеобщего случайными признаками. Между тем в любом организме связь между общим и особенным носит необходимый характер. Поэтому можно и нужно представить себе «другой рассудок», который, «поскольку он не дискурсивен подобно нашему, а интуитивен, идет от синтетически общего (созерцания целого как такового) к особенному, то есть от целого к частям; следовательно, такой, представление которого о целом не заключает в себе случайности связи частей» [Гулыга, 1980, с. 33].

Еще раз процитируем работу Гулыги: «В письме к Герцу Кант говорит о божественном порождении предметов. Может ли человек породить их? Вспомним оговорку о «добрых целях». В царстве целесообразности, в сфере культуры человек принимает на себя божественную функцию творца. Он создает культуру как живой организм и созерцает дело рук своих, опираясь на «другой рассудок», интуитивную способность, схватывающую особенное во всеобщем и всеобщее в особенном. Такого рода познание возможно только как культуросозидательная деятельность» [Гулыга, 1980, с. 34].

В. А. Жучков отмечает, что «идея «сообразования предметов с нашим познанием», составившая центральный пункт коперниканского переворота Канта, становится обобщающей и завершающей идеей его философского мировоззрения и, вместе с тем, предпосылкой, основополагающим принципом концепции культуры и человека как субъекта культуры». [Жучков, 1998, с. 51].

Не станем далее обсуждать роль понятия культуры. Процитируем статью И. А. Мироненко: «Психологическая наука на всем протяжении своей истории обращалась к проблеме личности – социализированного индивида, у которого в силу его причастности к культуре уже «нет «природы» – простого или однородного бытия. Он причудливая смесь бытия и небытия; его место – между этими двумя полюсами» (Кассирер, 1988, с. 20)» [Мироненко, 2018, с. 409]. Обратим внимание, что Мироненко приводит высказывание Э. Кассирера, неокантианца (правда, марбургской школы).

Скажем лишь, что проблема природы и культуры, которая была поставлена и разрабатывалась Кантом, была значимой для психологии «на всем протяжении своей истории». Вероятно, истории психологии стоит помнить и о тех, кто был у истоков.

Обратимся к другой части кантовского наследия. Известно, что в психологии XX столетия особенную популярность имела проблема поведения человека, многие направления в психологии сделали поведение предметом исследования. Возможно, у кого-то из читателей возникнет чувство недоумения: причем здесь Кант?

«Открыв «Критику чистого разума», – пишет цитированный нами исследователь кантовского творчества – мы узнаем, что главный вопрос, подлежащий исследованию в книге, – это вопрос о том, как возможны синтетические суждения априори. Но рядом, как эхо, звучит другой, не менее важный: как возможна свобода человека?» [Гулыга, 1980, с. 9]. Действительно, если полагать, что речь только о синтетических суждениях априори, можно многого не понять. Впрочем, Гулыга поясняет: «Первое и последнее слово зрелого Канта – о человеке. Кантовский критицизм в значительной мере порожден интересом к жизни личности. С размышлений над судьбой человека начинался «коперниканский» поворот. Под влиянием чтения Руссо строй мысли Канта обретает своеобразный оттенок демократизма: «Я учусь уважать людей и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассуждение может придать ценность всем остальным, устанавливая права человечества... Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу, – а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком». Быть человеком, по Канту, значит быть свободным, ибо природа человека – его свобода. На закате дней своих, вспоминая об истории возникновения критической философии, Кант подчеркивал, что прежде всего антиномии, и в частности антиномия свободы («человеку присуща свобода – у него нет никакой свободы, а все в нем природная необходимость»), пробудили его «от догматического сна и побудили приступить к критике разума» [Гулыга, 1980, с. 9].

Арсений Владимирович Гулыга продолжает: «Свобода есть, но где она? В мире явлений мы ее

не обнаружим, она существует только в мире вещей самих по себе». «Человек живет в двух мирах. С одной стороны, он – феномен, клеточка чувственного мира, существующая по его законам, порой далеким от человечности. Но, с другой стороны, он — ноумен, существо сверхчувственное, подчиненное идеалу. У человека два характера: эмпирический, привитый окружением, и ноуменальный, интеллигибельный, как бы присущий ему изнутри. Связаны ли они между собой? Или интеллигибельный характер есть нечто запредельное, в посястороннем мире себя не проявляющее? В том-то и дело, что в поведении человека реализуется связь между двумя характерами. На этом основана вменяемость человека, его ответственность за свои поступки» [Гулыга, 1980, с. 9–10].

Следует важнейший вывод для психологии и педагогики: «Человек – дитя двух миров. Принадлежность к чувственно воспринимаемому (феноменальному) миру делает человека игрушкой внешней причинности, здесь он подчинен посторонним силам — законам природы и установлениям общества. Но как член интеллигибельного (ноуменального) мира «вещей самих в себе» он наделен свободой. Эти два мира – не антимир, они взаимодействуют друг с другом. Интеллигибельный мир содержит основание чувственно воспринимаемого мира. Так и ноуменальный характер человека должен лежать в основе его феноменального характера. Беда, когда второй берет верх над первым. Задача воспитания состоит в том, чтобы человек целиком руководствовался бы своим ноуменальным характером. Принимая то или иное жизненно важное решение, исходил бы не из соображений внешнего порядка (карьера, выгода и пр.), а исключительно из повелений свободы, то есть долга» [Гулыга, 1980, с. 11].

Что есть свобода? «Свобода для Канта – не произвол, не просто логическая конструкция, при которой из данной причины могут на равных правах проистекать различные действия. Хочу – поступлю так, а хочу — совсем наоборот. Нравственная свобода личности состоит в осознании и выполнении долга. Перед самим собой и другими людьми. «Свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, – это одно и то же» [Гулыга, 1980, с. 11].

«Главное для Канта – поведение человека, его поступки. Кант говорит о примате практического разума, его первенстве перед разумом теоретиче-

ским. Знание имеет ценность только в том случае, если оно помогает человеку стать более человечнее, обрести твердую нравственную почву, реализовать идею добра. Только такую ценность Кант признает и за верой. Вера в бога – это моральная убежденность, способность всегда и везде следовать долгу. И сама философия имеет смысл лишь постольку, поскольку она служит воспитанию человека. «Какая польза от философии, если она не направляет средства обучения людей на достижение истинного блага?» [Гулыга, 1980, с. 12].

Обратим внимание на то, что если в механистической системе Декарта свободная воля выступала помехой на пути познания, то в работах Канта свободная воля есть регулятор нравственного поведения. Можно констатировать, что в трудах Канта содержится новый подход, имеющий перспективы для углубления понимания психологических механизмов поведения человека. И, конечно, заметим, что рассуждения Канта о поведении содержат приговор для попыток тех психологов, кто, объясняя поведение человека лишь внешними воздействиями, стремится обойтись без использования понятия сознания.

Кратко остановимся на кантовской критике врожденных идей. С античности известна теория врожденных идей, согласно которой некоторые содержания являются врожденными. На протяжении веков шли дискуссии, существует такое знание или нет. Работы Канта внесли значимый вклад и в решение этого вопроса, представляющего особую важность для психологии. Согласно Канту, знание начинается с опыта, но не ограничивается им. Известная часть знаний, по Канту, порождается самой познавательной способностью, имеет априорный (доопытный) характер. «Эмпирическое знание единично, а потому случайно; априорное – всеобщее и необходимо. Априоризм Канта отличается от идеалистического учения о врожденных идеях. Во-первых, тем, что, по Канту, доопытны только формы знания, содержание целиком поступает из опыта. Во-вторых – сами доопытные формы не являются врожденными, а имеют свою историю» [Гулыга, 1980, с. 13].

Гулыга заключает: «Если посмотреть на знание с точки зрения его изначального происхождения, то весь его объем в конечном итоге взят из все расширяющегося опыта человечества. Наряду с непосредственным опытом есть опыт косвенный, усвоенный. Так сегодня мы смотрим

на проблему, поставленную Кантом» [Гулыга, 1980, с. 13].

Реальный смысл кантовского априоризма состоит в том, что индивид, приступающий к познанию, располагает определенными, сложившимися до него формами познания. Наука обладает ими тем более.

Кстати, заметим, что юнговская идея архетипа [Мазилов, 2017] одним из корней имеет философию Канта.

Совсем кратко остановимся на том, как Кантом решается вопрос об образовании понятий и роли творческого воображения.

«Для Канта именно активность познания – залог успеха. Он видит в человеческом интеллекте заранее возведенную конструкцию – категории. Но это еще не само научное знание, это только его возможность. Такую же возможность представляют собой и опытные данные – своего рода кирпичи, которые нужно уложить в ячейки конструкции. Чтобы выросло здание, требуется активный участник строительства, и Кант называет его имя — продуктивное воображение» [Гулыга, 1980, с. 14].

Роль продуктивного воображения в познании в трактовке Канта была подробно проанализирована в известной работе философа Ю. М. Бородаев [Бородаев, 1966], не будем здесь на этом останавливаться.

Отметим только в заключении важный, на наш взгляд, момент, связанный с тем, что Кант ввел в оборот понятие, использующееся в современной психологии, хотя полагаем его перспективы куда более значительными. Правда, это явно заслуживает отдельного обсуждения. Речь идет о понятии «схема».

Еще раз процитируем работу Гулыги, которую мы так много использовали в настоящей статье: «Созидательная деятельность воображения обусловлена, во-первых, готовыми конструкциями (категориями), а во-вторых, наличным строительным материалом – эмпирическими данными. Именно поэтому воображение возводит не воздушный замок, а прочное здание науки. Продуктивное воображение – не пустая фантазия. Это рабочий инструмент синтеза чувственности и рассудка. Канту мало общей констатации факта. Он пытается уточнить сам ход этого синтеза и обнаруживает некую промежуточную фазу, среднее звено между чувственностью и абстрактным мышлением. В «Критике чистого разума» появляется новый термин –

схема. Это как бы полуфабрикат продуктивного воображения, нечто совсем удивительное: с одной стороны, – чувственное, с другой – интеллектуальное, «посредующее представление», «чувственное понятие» [Гулыга, 1980, с. 15].

Удивительно, но в XX столетии в психологии предпринимались попытки отказаться от использования понятия «воображение».

Не будем продолжать, хотя можно было бы остановиться на кантовском анализе игры и ее роли, о значении кантовских идей для социальной психологии и т. д. Главное ясно – Кантом было высказано множество самых разных идей, имевших отношение к психологической проблематике, которые в той или иной степени оказали влияние на психологию. Необходимы дальнейшие исследования историков психологии, которые бы детально и документированно установили те или иные влияния и связи.

В заключение несколько слов о Канте как методологе. Не подлежит сомнению, что на эту тему можно было написать отдельную работу. Поскольку объем настоящей статьи ограничен, приведем лишь пару высказываний, которые имеют самое непосредственное отношение к методологии психологической науки.

Первое из предисловия к второму изданию «Критики чистого разума». Кант замечает, что «разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти вперед согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем» [Кант, 1994а, с. 21]. Как можно полагать, в этом указании выдающегося философа содержится ключ к пониманию того, почему результаты психологических исследований дают именно такие результаты, каких ожидал автор.

Другое менее известно, но не менее значимо. Прочитируем работу исследователя кантовского творчества Гулыгу: «Иные полагают, – читаем в кантовских черновиках, – что система относится только к изложению, но она принадлежит и *объекту познания, и мышлению*... Иные полагают, что создают системы, но у них возникают лишь *агрегаты*. Для последних нужна лишь манера; система требует *метода*... Исторические знания можно приобрести без системы, до известной

степени также и математические, но философские без системы – никогда. *Контуры целого должны предшествовать частям*» (Курсив везде – В.М.) [Гулыга, 1980, с. 5]. На наш взгляд, здесь содержится указание на возможную причину недостаточной эффективности системного подхода, широко используемого в современной психологии. Понятно, что это отдельная тема, развивать которую здесь не место.

Не будем продолжать, хотя можно было остановиться на кантовском учении об антиномиях, о его представлениях о логике научного познания, стратегиях построения науки и т. д. Кант, похоже неисчерпаем, значение его наследия для научной психологии велико и полностью еще не осмыслено и не освоено.

Заключение

В результате краткого рассмотрения можно сделать некоторые обобщения. Представляется, что влияние кантовских трудов было многоплановым и гетерохронным, наследие Канта сохраняет актуальность и эвристичность для современной психологии. Он изменил наши представления о человеке, сознании, познании, поведении, игре, творчестве – практически обо всем, что интересовало психологию раньше и занимает научную психологию сегодня в XXI столетии.

Не подлежит сомнению, что кантовская критика психологии способствовала появлению научной психологии как дисциплины, построенной по образцу естественных наук. Конечно, главное влияние Канта видится в том, что его идеи задали вектор развития психологии как эмпирической дисциплины, а критика психологии придала определенность направлениям поиска.

Кант, хотя он не был психологом, психологические вопросы в своих работах затрагивал. Широко известны кантовские теории темперамента и эмоций, изложенные автором в «Антропологии». Несомненное значение для психологии имеет множество тем, разрабатывавшихся в трудах Канта. Это и проблема культуры, свободы человека, исследование факторов, определяющих поступки человека. Кант обратился к исследованию творческого воображения, роль которого, как представляется, в современной психологии – психологии XXI столетия – недооценивается. Кант внес значимый вклад в понимание того, как формируются понятия у человека. Кантовская критика теории врожденных идей, формулирование учения об априорных синтетиче-

ских суждениях, способствовали становлению современного понимания когнитивных процессов. Кантом было сформулировано важнейшее понятие «схемы», значение которого в современной психологии, на наш взгляд, значительно больше, чем обычно полагают.

Возможно про Канта придется вспомнить, когда психология обратится к необходимости расширения трактовки предмета, поскольку в него придется включать и нравственные и духовные компоненты личности, от чего на протяжении длительного времени пыталась дистанцироваться традиционная «научная» психология, ориентированная на естественные дисциплины (то есть в значительной степени биологические). Представляется, что это дело не столь отдаленного будущего.

Влияние идей Канта на развитие мировой психологии по-прежнему требует исследований и нуждается в дополнительном осмыслении. Как можно полагать, история психологии в долгу перед Иммануилом Кантом, требуется более полное, глубокое и доказательное освещение этого крайне важного для истории психологии вопроса.

Библиографический список

1. Бородай Ю. М. Воображение и теория познания. Москва : Высшая школа, 1966. 150 с.
2. Герbart И. Ф. Психология. Санкт-Петербург : Изд. редакции журнала «Пантеон литературы», 1895. 278 с.
3. Гулыга А. В. Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. Москва : Наука, 1980, с. 5–42.
4. Дессуар М. Очерк истории психологии. Санкт-Петербург : Книгоизд. О. Богдановой, 1912. 218 с.
5. Жучков В. А. «Коперниканский переворот» и понятие культуры у Канта // История философии. 1998. № 3. С. 29–54.
6. Залевский Г. В. «Строительные леса» на здании, которое называется «психология человека» // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 61–78.
7. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. Москва : Мысль, 1964. 799 с.
8. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. Москва : Мысль, 1965. 544 с.
9. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 5. Москва : Мысль, 1966. 564 с.
10. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. Москва : Мысль, 1966а. 743 с.
11. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. Москва : Чоро, 1994. 495 с.
12. Кант И. Трактаты и письма. Москва : Наука, 1980. 709 с.
13. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. Москва : Чоро, 1994а. 741 с.

14. Мазиллов В. А. Христиан Вольф и генезис научной психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 1 (45). С. 121–132.
15. Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль : МАПН, 1998. 356 с.
16. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : ЯГПУ, 2017. 419 с.
17. Мазиллов В. А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 71–83.
18. Мазиллов В. А. Архетип как код массовой культуры / В. А. Мазиллов, Т. С. Злотникова // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 1. С. 129–135.
19. Мироненко И. А. Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 409–430.
20. Робинсон Д. Интеллектуальная история психологии. Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.
21. Роговин М. С. Введение в психологию. Москва : Высшая школа, 1969. 384 с.
22. Шульц Д. История современной психологии / Д. Шульц, С. Э. Шульц. Санкт-Петербург : Евразия, 1998. 528 с.
23. Tetens J. N. Philosophische Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung. Weidmanns Erben und Reich, 1777. 834 p.
24. Wolff Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae atheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.
25. Wolff Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque auctoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 s.
26. Wundt W. Vorlesungen über die Menschen und Thiereseele. Leipzig : Boss, 1863–1864. Bd.1. XIV, 491 S.; Bd.2. VII, 463 S.
27. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig : Engelmann, 1874. XII, 870 S.
3. Gulyga A. V. Kant segodnja = Kant today // Kant I. Traktaty i pis'ma. Moskva : Nauka, 1980, s. 5–42.
4. Dessuar M. Oчерк istorii psihologii = Outline of the history of psychology. Sankt-Peterburg : Knigoizd. O. Bogdanovoj, 1912. 218 s.
5. Zhuchkov V. A. «Kopernikanskij perevorot» i ponjatie kul'tury u Kanta = «Copernican coup» and the concept of culture by Kant // Istorija filosofii. 1998. № 3. S. 29–54.
6. Zalevskij G. V. «Stroitel'nye lesa» na zdanii, kotoroe nazyvaetsja «psihologija cheloveka» = «Scaffolding» on a building called «human psychology» // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2019. № 71. S. 61–78.
7. Kant I. Sochinenija v shesti tomah = Compositions in six volumes. T. 3. Moskva : Mysl', 1964. 799 s.
8. Kant I. Sochinenija v shesti tomah = Compositions in six volumes. T. 4. Ch. 1. Moskva : Mysl', 1965. 544 s.
9. Kant I. Sochinenija v shesti tomah = Compositions in six volumes. T. 5. Moskva : Mysl', 1966. 564 s.
10. Kant I. Sochinenija v shesti tomah = Compositions in six volumes. T. 6. Moskva : Mysl', 1966a. 743 s.
11. Kant I. Sochinenija. V 8-mi t. = Compositions in 8 volumes. T. 7. Moskva : Choro, 1994. 495 s.
12. Kant I. Traktaty i pis'ma = Treatises and letters. Moskva : Nauka, 1980. 709 s.
13. Kant I. Sochinenija. V 8-mi t. = Compositions in 8 volumes. T. 3. Moskva : Choro, 1994a. 741 s.
14. Mazilov V. A. Hristian Volf' i genезis nauchnoj psihologii = Christian Wolf and the Genesis of Scientific Psychology // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. 2023. № 1 (45). S. 121–132.
15. Mazilov V. A. Teorija i metod v psihologii = Theory and method in psychology. Jaroslavl' : MAPN, 1998. 356 s.
16. Mazilov V. A. Metodologija psihologicheskoi nauki: istorija i sovremennost' = Methodology of psychological science: history and modernity. Jaroslavl' : JaGPU, 2017. 419 s.
17. Mazilov V. A. O psihologicheskikh ponjatijah i metodologii psihologii = On psychological concepts and methodology of psychology // Voprosy psihologii. 2020. № 1. S. 71–83.
18. Mazilov V. A. Arhetip kak kod massovoj kul'tury = Archetype as a code of mass culture / V. A. Mazilov, T. S. Zlotnikova // Psihologicheskij zhurnal. 2017. T. 38, № 1. S. 129–135.
19. Mironenko I. A. Problema lichnosti i zadachi sovremennogo jetapa razvitija psihologicheskoi nauki = Personality problem and tasks of the modern stage of development of psychological science // Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Jurevicha. Moskva : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. S. 409–430.
20. Robinson D. Intellektual'naja istorija psihologii = Intellectual history of psychology. Moskva : Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005. 568 s.
21. Rogovin M. S. Vvedenie v psihologiju = Introduction to psychology Moskva : Vysshaja shkola, 1969. 384 s.

Reference list

1. Borodaj Ju. M. Voobrazhenie i teorija poznaniya = Imagination and theory of knowledge. Moskva : Vysshaja shkola, 1966. 150 s.
2. Gerbart I. F. Psihologija = Psychology. Sankt-Peterburg : Izd. redakcii zhurnala «Panteon literatury», 1895. 278 s.

22. Shul'c D. Istorija sovremennoj psihologii = History of modern psychology / D. Shul'c, S. Je. Shul'c. Sankt-Peterburg : Evrazija, 1998. 528 s.

23. Tetens J. N. Philosophische Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung. Weidmanns Erben und Reich, 1777. 834 p.

24. Wolff Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.

25. Wolff Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque auctoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.

26. Wundt W. Vorlesungen über die Menschen und Thiereseele. Leipzig : Boss, 1863–1864. Bd.1.XIV, 491 S.; Bd.2. VII, 463 S.

27. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig : Engelmann, 1874. XII, 870 S.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 13.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 13.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.